

10. **Tikhomirov N. V.** Management of the modern university, integrated into the information space: the concept, tools and techniques. – Moscow: Finance and Statistics, 2009. – 256 p.
11. **Smolin O.** Electronic Invasion // Sovetskaya Rossiya. – 2013. – N 113 (13912). – P. 1. – Oct 5.
12. **Human Capital Index** // Sovetskaya Rossiya. – 2013. – N 111 (13910). – October 3.
13. **Draves V. A., Coats D.** Pedagogy of the XXI century. – Publishing Department of the Learning Resource Network (LERN). – River Falls, Wisconsin (USA). – 2011. – 206 p.

Принята редакцией 15.11.2013

УДК 378 + 001

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРАВА КАК СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

О. Б. Кравченко (Новосибирск)

В статье дается аналитический обзор наиболее адекватных, с точки зрения автора, методологических подходов к изучению остро актуальных проблем интеграции образования и права. При этом образование и право рассматриваются только как социальные институты, безотносительно к другим их характеристикам. В качестве возможных методологических подходов автор позиционирует системный, деятельностный и социокультурный подходы. Однако наиболее адекватным, с его точки зрения, является неинституциональный подход. Автор склонен утверждать, что лежащие в основе этого подхода принципы позволяют наиболее полно проанализировать современное состояние интеграции образования и права, а также определить тенденции их последующего функционирования. Автор считает, что основным сектором развития интеграции как взаимодействия должно стать гражданское общество. Именно оно (как слабо развитый сегодня субъект образования и права) может выступить генерализующим субъектом в формировании образовательного правового пространства. Вместе с тем утверждение личности как субъекта образования и права в дискурсе проблемы интеграции этих двух социальных институтов (как плоскость деятельностного и неинституционального подхода) позволяет автору сформулировать мнение о том, что неинституциональный подход в таком ракурсе нуждается в доработке.

Ключевые слова: *системный подход, деятельностный подход, социокультурный подход, неинституциональный подход, субъект образования, образовательно-правовое пространство, социокультурное пространство.*

© Кравченко О. Б., 2014

Кравченко Оксана Борисовна – заместитель декана юридического факультета, доцент кафедры гражданского и гражданского процессуального права, Новосибирский государственный аграрный университет.

E-mail: natali_respekt7@mail.ru

THE THEORETICAL-METHODOLOGICAL APPROACHES TO
STUDYING THE INTERACTION BETWEEN EDUCATION AND LAW AS
SOCIAL INSTITUTIONS: AN ANALYTICAL REVIEW

O. B. Kravchenko (Novosibirsk)

The article provides an analytical review of the most appropriate from the point of view of the author methodological approaches to studying very topical problems of integration of education and law. At that, law and education are considered only as social institutions, regardless of their other characteristics. Among the possible methodological approaches the author indicates the systemic, activity-based and the socio-cultural ones. However, according to the author, the most appropriate one is the neo-institutional approach. The author argues that the underlying principles of this approach can more fully analyze the current state of integration of education and law and identify the trends of their subsequent functioning. The author believes that the civil society should become the main sector of the development of integration as interaction. It is the civil society (as an underdeveloped subject of education and law today) that can act as a generalizing entity in shaping the educational legal space. At the same time, the affirmation of the person as the subject of education and law in the discourse of the integration problem of these two social institutions (as a plane of the activity and neo-institutional approach) allows the author to formulate an opinion that the neo-institutional approach in this perspective needs to be modified.

Key words: *systemic approach, activity-based approach, socio-cultural approach, neo-institutional approach, the subject of education, educational and legal environment, socio-cultural space.*

Сфера образования и сфера права в своем единстве являются целостным динамическим образованием, которое состоит из неразрывно связанных между собой элементов, создающих его динамическую структуру. Эта структура имеет тенденцию к развитию и самоорганизации, характеризуется целесообразностью, взаимодействует с другими системами социального организма и влияет на их развитие.

Системный подход предполагает подготовку и обоснование решения комплексных проблем образования и права. При его использовании обнаруживаются явления, имеющие множество взаимосвязанных элементов, объединенных общностью функций и цели, единством управления и функционирования. Этот подход является основой разработки методологии исследования, образования и права, выявления целей и ценностей современного образования и права, проведения анализа основных доминант развития образования и права, а также выявления институциональных компонентов сферы образования и права, системообразующих связей, факторов, влияющих на их функционирование.

Системный подход позволяет идентифицировать и описать структурные элементы феноменов образования и права как интегрирующейся системы (участников процесса, их целей, возможностей, соотношения сил и т. п.) и их связей, факторов, обеспечивающих ее устойчивость или деста-

Kravchenko Oksana Borikovna – Deputy Dean of the Department of Law, Docent of the Chair of Civil and Civil Procedural Law, Novosibirsk State Agrarian University.

билизирующих ее (разрушающие связи). Каждая система является частью (подсистемой) другой системы, а ее компоненты тоже составляют системы. Свойства любой из них не будут суммой свойств их элементов. Элементы каждой системы находятся в особых связях, а сама она имеет разнообразные связи с другими системами (средой).

Деятельностный подход в исследованиях современного образования и права необходим для экспликации теоретико-методологических положений и обобщений, субъектно-ориентированной организации и управления образовательной и правовой деятельностью. Личностный подход (в рамках деятельностного. – *О. К.*) также может применяться как методологический инструмент исследования, в частности тогда, когда анализируются образование и право как личностная ценность, личное достоинство и капитал личности, как ее социальная защита в условиях социально-экономических трансформаций образования как рынка услуг. Компетентностный подход (в рамках личностного. – *О. К.*) в исследовании сферы образования и права обеспечивает определение вектора профессиональной подготовки компетентной личности как компетентного специалиста, если компетенции рассматривать как «мостик», соединяющий учащихся с будущей профессиональной деятельностью. Деятельностный подход концентрируется на изучении результатов и эффективности деятельности, особенностей взаимодействия субъектов процесса в конкретных ситуациях. Познавательным материалом при этом являются документы, статистические отчеты, касающиеся деятельности объекта анализа, непосредственные наблюдения аналитиков.

Социокультурный подход в постсоветский социально-философской мысли начинает использоваться в конце 1980-х гг. Он формирует представление об обществе как сложном социокультурном объекте, структура которого обусловлена исторически накопленным социокультурным опытом деятельности, поведения и взаимодействия людей. Тем самым обеспечивается ретрансляция социального опыта из поколения в поколение, образовывая гибкую совокупность связей между людьми. Социокультурный подход позволяет лучше понять механизмы продуцирования, поддержки и изменения людьми элементов и структур своей жизнедеятельности, объяснить механизмы преобразования индивидуального опыта в социально значимый и определить социокультурные ограничения, которые накладывает сопротивление восприятию другого опыта. Ключевым понятием для этого подхода является понятие «социокультурного пространства». Анализ многочисленных публикаций, посвященных исследованию социокультурного пространства, свидетельствует, что единого подхода к его пониманию не существует. Исследователи объясняют это полифункциональностью, многомерностью и вариативностью действительности и культуры социума [1].

По мнению Н. И. Лапина, сегодня в социокультурном пространстве происходит интеграция трех специфических форм многомерного бытия человека, воплощенных, во-первых, во взаимодействии человека с обществом; во-вторых, в характере культуры; в-третьих, в типе социальности. Поскольку социокультурный подход имеет многомерный характер, это позволяет ему охватить «всю сложность и реалистичность многоцветной палитры социальной жизни» [2, с. 18], исследовать общество как противоречивое единство, которому «присущи сложные и напряженные отноше-

ния личности, групп и общества во всех возможных их комбинациях и взаимосвязях» [3, с. 146]. Формообразующую основу социокультурного пространства образуют: 1) человек как *homo activus*, со своими индивидуальными личностными характеристиками; 2) социальная дифференциация общества, образы и формы организации общественной жизнедеятельности; 3) фундаментальные материальные условия, которые определяют, что и каким образом может делать человек для реализации своих нужд, целей, интересов, устанавливают границы и формы самореализации человека в определенное историческое время. Таким образом, социокультурное пространство – это специфическая смысловая целостность, создающая условия для результативной активности человека и сфер его жизнедеятельности. Оно обеспечивает и ограничивает конкретно-исторические возможности выбора форм самореализации человека в общественной среде.

Применение социокультурного подхода предусматривает соблюдение определенных принципов, которые также были сформулированы Н. И. Лапиным [3]. Это принцип активного человека (*homo activus*), который осуществляет социальные действия и вступает в социальное взаимодействие; принцип антропосоциетального соответствия и совместимости личностно-поведенческой характеристики человека и социетальных характеристик общества; принцип социокультурного баланса и равновесия между культурными и социальными компонентами как условие устойчивости общества; принцип симметрии социетальных процессов (одни процессы обеспечивают воспроизведение соответствующих структур, другие – их изменение. – *О. К.*); принцип необратимости эволюции социокультурной системы как целого, который объясняет природу ее динамики.

Наиболее приемлемым для нашего анализа взаимодействия образования и права, по нашему мнению, следует считать институциональный подход. В социальной теории различают классический институционализм, который выходит из представления о существовании социальных институтов, выполняющих в общественной жизни неизменные функции (чем и оправдывается их существование. – *О. К.*), а также неоинституционализм, согласно которому институты конструируются (точнее, постоянно реконструируются) индивидами, а потому их функциональное значение может существенно различаться от эпохи к эпохе, от общества к обществу – в зависимости от того назначения, которое предоставляют ему его «конструкторы».

При всех отличиях теории институционализма отталкиваются от общего методологического принципа: институты – чрезвычайно важный, хотя и не единственный фактор общественного развития. Вероятно, поэтому известные американские институционалисты Д. Дьермейер и К. Кребил подчеркивают, что институционализм – более методология, чем миссия: его значимость не в том, чтобы показать, что институты имеют значение, а в том, чтобы методологически направлять научные исследования для изучения этих институтов и процессов их взаимодействия [3].

Отправной точкой институционализма выступает понятие института. Подходов к его определению много, но чаще всего принимается дефиниция Д. Норта, считающего, что институты – это «правила игры», или «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми <...>». Институты включают в себя все формы

ограничений, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям» [4, с. 28].

Новая институциональная теория, или «новый институционализм», к концу XX в. получила широкое распространение в различных отраслях научного познания. Представители данного подхода поставили вопрос о значении институционального фактора в развитии тех или иных сфер общества. Исследователи постарались выяснить возникновение институтов, закономерности институциональных изменений, многообразные эффекты институтов. Неоинституциональный подход завоевал в последние десятилетия огромную популярность. Возникли и получили развитие самые разнообразные теории: нормативный институционализм, институционализм рационального выбора, исторический институционализм, эмпирический (структурный) институционализм, институционализм в исследованиях внешней политики и международных отношений, социетальный институционализм и др. В одних случаях они являются конкурирующими, а в других – дополняющими друг друга. Кроме того, чрезвычайно широк и многообразен круг проблем, который рассматривается в рамках институционализма [5–6].

Все многообразие институтов неоинституционалисты сводят обычно к двум разновидностям: формальным и неформальным. Формальные институты – это «легальные правила игра, предписывающие, какие действия и при каких условиях разрешены (или нет) или обязательны (или нет)». Неформальные институты – «социальные практики и ритуалы, основывающиеся на подчинении культурным ценностям и нормам». «Формальные институты в основном имеют отношение к компетенциям и обязанностям, в то время как неформальные институты имеют дело с моделями поведения, которые должны соответствовать данным обстоятельствам» [7, р. 94].

Принципиальная разница между ними состоит прежде всего в способах их утверждения, фиксации и поддержания. Речь идет о том, что формальные институты, в отличие от неформальных: 1) устанавливаются полномочными субъектами; 2) фиксируются в письменной форме; 3) предполагают наличие санкций за их несоблюдение (обязанность исполнения).

Общая черта всех теорий возникновения и изменения институтов состоит в том, что они являются в первую очередь способом координации социальных взаимодействий и приносят коллективную выгоду. Их возникновение объясняется тем, что они позволяют снизить трансакционные издержки, дают большую степень определенности и стабильности или удовлетворяют другим нуждам (социально оптимальны, эффективны в увеличении ресурсов и т. д.). Все неоинституционалисты признают, что институциональная структура является продуктом деятельности акторов. При этом многие из исследователей не отрицают, что отдельные институты могут давать неодинаковые преимущества для различных акторов («дистрибутивный эффект»).

Стоит сказать, что в науке присутствует и иная точка зрения, которую разрабатывают представители дистрибутивной теории институтов. Согласно этой концепции, институты возникают не как средство координации и решения проблемы коллективного действия, а как побочный конфликт борьбы за власть и распределение ресурсов в обществе. Сторонники такой позиции не отрицают, что институты могут иметь коллективную пользу, но эта польза – не главное в объяснении природы институтов [7].

Итак, одна часть институтов (неформальные) возникает и изменяется спонтанно и постепенно (эволюционно, инкрементно). Другая часть (формальные институты) является следствием преднамеренных действий рациональных акторов. Эти институты изменяются революционно (дискретно). Таким образом, траектории развития двух видов институтов могут не совпадать. Именно это и порождает проблемы. Введение формальных институтов может вступать в противоречие с ожиданиями участников социального взаимодействия, которые основаны на институтах, действовавших прежде (неформальных) [8, с. 223].

Специалисты выделяют два основных механизма создания формальных институтов: «легализация неформальных» и «импорт». Первый – легализация неформальных норм – представляет собой придание последним писаной формы и необходимой степени универсальности. Второй механизм создания формальных институтов – «импорт» или «трансплантация» институтов. Термин «импорт» пришел в институциональные исследования из экономики, а «трансплантация» – из права. По определению голландских ученых, «институциональная трансплантация включает в себя сознательное стремление изменить существующие институты и заменить или дополнить их новыми институтами, заимствованными из других стран или из другого контекста» [9]. В отличие от первого механизма сознательные и обладающие политической волей акторы устанавливают такие формальные институты, которые не являются легализацией действующих неформальных правил, а отличаются от них.

Возможны, по мнению А. Олейника, три источника «импорта» институтов: 1) из какой-либо теоретической модели («импорт из идей»); 2) по образцам, когда-то существовавшим в истории страны, но затем исчезнувшим («импорт из прошлого»); 3) по образцам, существующим в других странах (импорт в буквальном смысле этого слова) [8, с. 223].

Если первые два варианта используются нечасто, то импорт иностранных институтов – типичное явление в мировой истории. Как правило, импортирование институтов было следствием гегемонии какой-то страны или группы стран на международной арене. Импорт институтов может осуществляться принудительно – путем навязывания победителями собственных правил, но гораздо чаще он протекает добровольно. Заимствование успешных институтов представляется как средство ускорения развития или как способ снижения затрат социального взаимодействия в своих странах.

Эффективность институциональной трансплантации зависит от степени сходства между импортируемым формальным институтом и господствующими в стране-импортере неформальными нормами. Многочисленные примеры доказывают, что чем меньше сходство между институтом-трансплантантом и его неформальным окружением, тем труднее идет операция. Возможны три основных сценария институционального развития после импорта институтов: конвергенция, дивергенция, институциональный «гибрид». В первом случае конгруэнтность формальных и неформальных норм приводит к ускорению институционального развития.

Сценарий дивергенции, напротив, означает, что импортированные правила не превращаются в социальные институты, не регулируют на практике социальные взаимодействия. Они остаются не более чем фасадом, за которым скрывается реальная жизнь, а порой вообще отторгаются общественным организмом [8, с. 210–211]. Напряжение между импортирован-

ными формальными институтами и неформальным институциональным контекстом возникает вследствие того, что эти два вида институтов, как показано выше, изменяются в разных режимах. В результате этого институциональная трансплантация сопровождается рассогласованием неформальных и формальных институтов [9]. Следствием этого является отторжение полностью или в какой-то части заимствованного института.

Институциональный «гибрид» допускает более сложную конфигурацию взаимоотношений между формальными и неформальными нормами. Если в сценарии дивергенции импортированные правила отторгаются обществом и не превращаются в институты, действительно регулирующие социальные практики, в «гибридном сценарии» они имеют значение, приобретая признаки института [10, с. 28].

Указанные институциональные трансформации могут быть интерпретированы с позиций теории исторической обусловленности институциональных изменений, которая предлагает в распоряжение исследователя следующую модель развития: «постепенные изменения – революционная ломка формальных правил – попытка внедрения нового институционального порядка в практику – частичная контрреформация».

На основании этого краткого аналитического обзора можно констатировать следующее:

– наиболее оптимальным методологическим основанием для концептуализации современных процессов взаимодействия социальных институтов образования и права представляется неоинституциональный подход;

– «импорт» новых принципов трансформирования отечественного образования (как мы видим сегодня. – *О. К.*) представляет собой фактически необратимый процесс, осуществляемый из всех трех источников (по А. Олейнику. – *О. К.*);

– «трансплантация» же принципов развития права как «импорт» возможна лишь по линии первого и третьего источников (по А. Олейнику. – *О. К.*).

Сказанное позволяет утверждать, что социальные институты «образование» и «право» интегрировать друг в друга могут по двум моделям:

а) создание новой теоретической модели такой интеграции. Прототипом ее может быть создание образовательно-правового пространства как некоторого третьего «социального института»;

б) продолжение относительно автономного развития этих двух социальных институтов (наблюдаемое сегодня. – *О. К.*) с частичным их взаимодействием, формализуемым специализированными действиями такого субъекта (и образования и права. – *О. К.*) как государства;

– в качестве некоторой, хотя и достаточно спорной, посылки можно высказать тезис о том, что наиболее «перспективным» субъектом оформления и развития образовательно-правового пространства, его реальным актором может (должно. – *О. К.*) стать гражданское общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селиванова Н. Л. Современные представления о воспитательном пространстве // Педагогика. – 2000. – № 6. – С. 35–39.
2. Лапин Н. И. Пути России: Социокультурные трансформации. – М. : ИФ РАН, 2000. – 194 с.
3. Лапин Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – № 3. – Т. III. – С. 32–39.

4. **Норт Д.** Учреждения, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предис. и науч. ред. В. З. Мильнера. – М. : Начало, 1997. – 198 с.
5. **Сэндлер Т.** Экономические концепции для общественных наук. – М. : Весь мир, 2006. – 376 с.
6. **Peters G.** Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. – L. ; N.Y., 1999. – 238 с.
7. **Knight** Institutions and Social Conflict. – Cambridge, 2008. – 360 с.
8. **Олейник А.** Институциональная экономика. – М. : Инфра, 2008. – 416 с.
9. **The theory and practice of institutional Transplantation: Experiences with the Transter of Policy institutions / ed. by M. de Jong, K. Lalenis and V. Mammadouh.** – Kluwer Academic Publishers, 2009. – 283 p.
10. **Прекедь В., Круассан А.** Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. – 2002. – № 2. – С. 21–36.

REFERENCES

1. **Selivanova N. L.** Modern conceptions of educational space // Pedagogy. – 2000. – N 6. – P. 35–39.
2. **Lapin N. I.** The Ways of Russia: the Social-Cultural Transformations. – Moscow: Institute of Philosophy, 2000. – 194 p.
3. **Lapin N. I.** Sociocultural transformation of Russia: liberalization versus traditionalization // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2000. – N 3. – vol. III. – P. 32–39.
4. **North D.** Institutions, Institutional Change and Economic Performance // Transl. from English A.N. Nesterenko; preface and sci. ed. V.Z. Milner. – Moscow: Nachalo, 1997. – 198 p.
5. **Sandler T.** Economic Concepts for the Social Sciences. – Moscow: Ves Mir, 2006. – 376 p.
6. **Peters G.** Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. – L.; N. Y., 1999. – 238 p.
7. **Knight.** Institutions and Social Conflict. – Cambridge, 2008. – 360 p.
8. **Oleinik A.** Institutional Economics. – Moscow: Infra, 2008. – 416 p.
9. **The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transter of Policy Institutions / Ed. by M. de Jong, K. Lalenis and V. Mammadouh.** – Kluwer Academic Publishers, 2009. – 283 p.
10. **Prekel V., Croissant A.** Formal and informal institutions in defective democracies // Polis. – 2002. – N 2. – P. 21–36.

Принята редакцией 15.11.2013

УДК 34

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ В ПРАВОВОМ И ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Р. Ю. Рахматуллин, Э. Р. Семенова (Уфа)

Поиск выходов из кризисного состояния образования в современной России предполагает выяснение предпосылок инновационной деятельности, осуществляемой в рамках правового поля. Целью статьи является раскрытие онтологических оснований нового и традиционного в области права и образования. В статье решаются задачи: а) уточнение содержания терминов «либерализм», «традиционализм», «позитивное право», «естественное